

Рафаэлло
Джованьоли

СПАРТАК

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
ИЗ VII ВЕКА РИМСКОЙ ЭРЫ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
Д 42

Raffaello Giovagnoli
SPARTACO

Перевод с итальянского Льва Френкеля

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрации Григория Филипповского

Текст и иллюстрации печатаются по изданию:

Джованьоли Р. Спартак:

Историческая повесть из VII века Римской эры.

М.; Л.: Academia, 1936.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-24385-9

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

Д. ГАРИБАЛЬДИ – ДЖОВАНЬОЛИ

Капрера, 26 июня 1870 г.

Мой дорогой Джованьоли!

Я проглотил Вашего «Спартака», несмотря на то что у меня мало времени для чтения, и он вызвал во мне чувство восторга и восхищения.

Я надеюсь, что Ваши сограждане оценят огромные достоинства Вашего произведения и, прочтя его, проникнутся неодолимой стойкостью в борьбе за святое дело свободы.

Вы, *римлянин*, изобразили не лучшую, но наиболее блестящую эпоху истории величайшей республики — эпоху, когда гордые хозяева мира уже начали опускаться в бездну порока и разложения, но, несмотря на развращенность и пороки, подобно гигантам, возвышались над предыдущими поколениями всех эпох и народов.

«Из всех великих людей — величайшим был Цезарь», — сказал один знаменитый философ, а как раз личность Цезаря наложила отпечаток на эпоху, изображенную Вами.

Образ Спартака, этого Христа — искупителя рабов, Вы изваяли резцом Микеланджело, и я, получивший свободу раб, благодарю Вас за это и за те моменты волнения, которые я переживал при чтении Вашей книги: то я воодушевлялся чудесными подвигами рудиария, то слезы орошали мое лицо, а к концу повести я испытал чувство разочарования оттого, что она так коротка.

Да сохранят наши сограждане память об этих героях, которые все спят в родной нам земле, где больше не будет ни гладиаторов, ни господ.

Всегда Ваш
Джузеппе Гарибальди

СПАРТАК

ГЛАВА I

Щедрость Суллы

На рассвете четвертого дня перед Ноябрьскими идами (10 ноября) 675 года римской эры, в консульство Публия Сервилия Ватия Исаврика и Аппия Клавдия Пульхра, Рим кишел народом, который валил из всех частей города к Большому цирку.

От узких, кривых и многолюднейших улиц Эсквилина и Субурры, населенных преимущественно простым людом, толпа, все нарастая, стремилась и бурлила по главным улицам — Табернской, Гончарной, Новой и другим, направляясь в одну сторону — к цирку.

Граждане, рабочие, *capite censi*¹, отпущенники, старые, искалеченные и покрытые рубцами гладиаторы, нищие и изуверченные ветераны гордых легионов — победителей Азии, Африки и кимвров, простолюдинки, шуты и скоморохи, танцовщицы и толпы резвых, прыгающих детей составляли бес-

---

¹ Букв.: «считающихся по головам» (лат.) — беднейший класс римских граждан. — *Здесь и далее примеч. ред.*

конечную вереницу людей. Радостные лица, веселые взгляды, беззаботные речи и легкие шутки на устах несомненно свидетельствовали о том, что народ шел на какое-то излюбленное зрелище.

Все эти многочисленные, стремительные, говорливые толпы наполняли улицы великого города хаотическим, мощным гулом, напоминавшим жужжание тысячи пчелиных роев, и печальный вид неба, сплошь затянутого хмурыми сероватыми тучами, которые предвещали скорее дождь, чем ясную погоду, казалось, не мог смутить квиритов¹ и омрачить веселья, сиявшего на их лицах.

Утренний ветер, веявший с холмов Лациума и Тускулума, был свеж и пронзителен. Очень многие горожане шли, тщательно закутавшись в складки и капюшоны своей пенулы; другие покрыли голову петазом или пилеем, и все старались закутаться поплотнее — мужчины в свои аболлы и тоги, женщины — в столы и паллы².

Цирк, построенный в 138 году от основания Рима царем Тарквинием Древним после завоевания Апиолы, затем украшенный и расширенный последним царем, Тарквинием Гордым, начал называться Большим с 533 года от основания Рима, когда цензор Квинт Фламиний выстроил другой цирк, названный его именем.

Большой цирк, расположенный в Мурсийской долине, между Палатинским и Авентинским холмами, не достиг еще ко времени событий, описываемых в этой книге, тех необъятных размеров и того великолепия, которые придали ему впоследствии Юлий Цезарь и Октавиан Август; все же это было огромное, величественное здание длиною в две тысячи сто восемьдесят шагов и шириною в девятьсот девяносто восемь, могущее вместить свыше ста двадцати тысяч зрителей.

¹ То есть римлян (по имени древнего италийского бога Квирина).

² *Пенула* — широкий плащ; *петаз, пилей* — головные уборы; *аболла* — мантия без рукавов с застежкой на плече; *стола, палла* — длинные женские одеяния.

Имевшее почти овальную форму, оно было срезано с запада по прямой линии, восточная же его сторона замыкалась округлостью. В западной части его находился прямой оппидум — постройка с тринадцатью арками. В средней из этих арок был один из двух главных входов в цирк, называемый Парадными воротами, так как через них на арену входила процессия с изображениями богов, появление которой служило знаком для начала игр. В остальных двенадцати арках были расположены конюшни, или «темницы», где помещались колесницы и лошади, когда цирк служил для бегов, гладиаторы и хищные звери, когда должны были происходить кровопролитные состязания, доставлявшие римскому народу величайшее удовольствие.

От оппидума сбегали полными кругами многочисленные ряды ступенек, служивших сиденьями для зрителей; в целях более удобного доступа к ним они были пересечены проходами; последние давали начало другим, внутренним проходам, которые вели к многочисленным выходам цирка, называемым vomitorиями.

Ряды сидений оканчивались в портике, под арками, где были места для знатных женщин.

Напротив Парадных ворот находились Триумфальные ворота. Они служили для входа победителей. По правую сторону от оппидума и ближе к Парадным воротам находились Ворота смерти. Через эту зловещую дверь особые служители цирка вытаскивали при помощи длинных крючьев изуродованные и окровавленные тела убитых или умирающих гладиаторов.

На площадке оппидума были огорожены барьерами особые сиденья, предназначенные для консулов, магистратов, весталок и сенаторов. Все остальные сиденья не имели барьеров и ничем не отличались друг от друга.

Разрезая арену, между оппидумом и Триумфальными воротами тянулась почти на пятьсот шагов низкая стена, так называемый хребет. Она служила для определения дистан-

ции во время бегов и имела на обоих концах по группе колонок, называемых метами.

Посредине хребта возвышался обелиск солнца, а по сторонам его — башенки, колонны, жертвенники и статуи; между последними — статуи Цереры и Венеры Мурсийской.

Вокруг арены возвышался парапет, на который опирались сиденья амфитеатра. Парапет был вышиной в восемнадцать шагов и назывался подиумом; вдоль него тянулся ров, наполненный водой, называемый эврипом, а за ровом подымалась железная решетка: все эти преграды служили для охраны зрителей от возможного нападения диких зверей, которые рычали и свирепствовали на арене.

Таков был вид этого грандиозного помещения, предназначенного для зрелищ в Риме, в 675 году от основания города. И в это громадное здание, вполне достойное народа, победоносные орлы которого облетели уже весь мир, стекались ежечасно, ежеминутно, заполняя цирк, и бесконечные толпы простого народа, и всадники, патриции и матроны, для того чтобы беззаботно насладиться излюбленным и приятным зрелищем.

Итак, что же происходило в этот день? Какой праздник? Какое зрелище привлекало такую массу народа в цирк?

Луций Корнелий Сулла Счастливый, властитель Италии, гроза Рима, быть может, чтобы отвлечься от страданий, которые причиняла ему неизлечимая кожная болезнь, мучившая его уже два года, приказал несколько недель тому назад оповестить, что три дня подряд он будет угощать и развлекать зрелищами римский народ.

И уже накануне зрелищ в цирке вся римская чернь восседала на Марсовом поле и вдоль Тибра за столами, приготовленными по приказанию грозного диктатора. Она шумно пировала вплоть до наступления ночи, предавшись под конец разнузданной оргии. Этот пир, устроенный страшным врагом Гая Мария, отличался царской роскошью и великолепием, неслыханным изобилием пищи и самых тонких вин.

Происходил он в триклиний¹, специально сооруженном для данного празднества в честь римского народа.

Щедрость Суллы Счастливого была такова, что для этих празднеств и игр, устроенных в честь Геркулеса, он пожертвовал десятую часть своих богатств. Ежедневно уничтожались сорокалетние и еще более старые вина и большое количество съестных припасов выбрасывалось в реку.

Таким образом, Сулла левой рукой дарил римлянам часть богатств, которые он награл хитрой правой, и сыны Квирина, в глубине души смертельно ненавидевшие Луция Корнелия Суллу, принимали от него с наружно веселым видом зрелища и угощения.

Наступил день. Яркие солнечные лучи, пронизывая тучи, начали золотить вершины десяти холмов, храмы, базилики и сверкающие белизной драгоценного мрамора дворцы патрициев. Своей живительной теплотой они согревали людей, разместившихся на скамейках Большого цирка.

Свыше ста тысяч граждан ожидали наиболее любимого римским народом зрелища — боев гладиаторов и диких зверей. Среди этой сотни тысяч людей красовались группами на лучших местах матроны, патриции, всадники, сборщики податей, аргентарии (банкиры) и богатые иностранцы, стекавшиеся со всех концов Италии и всего мира в Вечный город.

Пришедшие много позже простого народа, эти любимцы Фортуны находили себе места подходящие и удобные. Среди разных профессий, не требующих особого труда, которыми занимались многие римляне, зачастую не имевшие хлеба и крова, но никогда не упускавшие случая с гордостью воскликнуть: «*Noli me tangere: civis romanus sum*»², был и промысел локариев³: гордые бездельники приходили рано утром

¹ *Триклиний* — пиршественный зал или столовая в доме богатого римлянина.

² «Не тронь меня, я римский гражданин» (*лат.*).

³ *Локарий* — человек, занимавший место для другого в театре или цирке.

в здание, где должно было состояться публичное зрелище, и занимали лучшие места для богатых граждан и патрициев. Последние являлись в цирк, когда им было удобно, и, заплатив два или три сестерция, получали от локариев места.

Трудно себе представить ту великолепную панораму, которую представлял цирк, заполненный более чем ста тысячами зрителей обоего пола, разного возраста и положения. Латиклавы, ангустиклавы, претексты, столы, туники, паллы и пеплумы¹, меняясь и сливаясь в разнообразнейшие сочетания цветов, являли взору все оттенки радуги. Шум этой массы народа, страшный, как гул вулкана, мелькание голов и рук, напоминающее яростное и грозное волнение моря во время бури, были лишь деталями великолепной, ни с чем не сравнимой картины, которую представлял Большой цирк в этот момент.

В амфитеатре простолюдины ели принесенную с собою пищу. С большим аппетитом они уплетали ветчину, холодную говядину, излюбленную кровяную колбасу и сырные и медовые пирожки или сухари; еда сопровождалась острыми словечками, непристойными шутками, беззаботной болтовней, громким непрерывным смехом и частыми возлияниями велитернского, массикского или тускуланского вина.

Продавцы жареных бобов и пирожков находили покупателей среди плебеев, которые, желая побаловать своих жен и детей, покупали эти дешевые кушанья. Естественно, что эти благодушные плебеи должны были вскоре прибегать к продавцам вина, чтобы заглушить жажду, вызванную жареными бобами, и тянуть из кувшинов жидкость, которую продавцы нагло называли тускуланским вином.

Там и сям собирались в группы, болтали и смеялись изысканно вежливые и важные семьи богачей, всадников и патрициев. Элегантные щеголи покрывали циновками и ковра-

---

¹ Перечисляются одежды, характерные для разных классов римских граждан.

ми твердые сиденья и открывали зонтики, чтобы защитить красивых матрон и грациозных девушек от палящих лучей солнца.

Близ Триумфальных ворот, в третьем ряду, сидела между двумя всадниками матрона необыкновенной красоты. Эта женщина своим округлым, стройным и гибким станом и роскошными плечами с первого взгляда производила впечатление подлинной дочери Рима.

Правильные черты лица, большой лоб, красиво изогнутый нос, маленький рот, на губах которого, казалось, живет желание горячих поцелуев, большие черные, выразительные глаза придавали ей чарующую прелесть. Мягкие и тонкие волосы цвета вороного крыла, густые и незавитые, собранные на лбу диадемой из драгоценных камней, ниспадали на плечи.

На ней была туника из тончайшей белой шерстяной материи, отороченная внизу изящной золотой полосой, позволявшая видеть всю грацию ее тела; поверх туники ниспадала красивыми складками белая палла с пурпурными полосами.

Этой женщине, так роскошно одетой и такой красивой, не было, вероятно, еще и тридцати лет; то была Валерия, дочь Луция Валерия Мессалы, единоутробная сестра Квинта Гортензия, знаменитого оратора, соперника Цицерона, консула 685 года. Всего несколько месяцев назад Валерия была отвергнута своим мужем под предлогом ее бесплодия. В действительности же причиной развода было ее поведение, о котором шли давно громкие толки по всему Риму: молва считала Валерию развратной женщиной, и тысячи голосов сплетничали о некоторых ее не совсем чистых привязанностях. Как бы то ни было, но она разошлась с мужем таким образом, что ее честь осталась достаточно защищенной от подобных нареканий.

Возле нее сидел Эльвий Медуллий — длинный, бледный, худой, прилизанный, надушенный. Его пальцы были унижены золотыми кольцами с двойными драгоценными камнями

ями в оправе; шею его украшала золотая цепь с медалями и геммами. Палочка из слоновой кости, которой он обычно развлекался на ходу, завершала его изящный наряд.

На неподвижном и невыразительном лице этого человека лежала печать скуки и апатии, которая уже в тридцать пять лет сделала для него жизнь неинтересной. Эльвий Медуллий был из тех благородных римлян, кутил и сибаритов, которые предоставляли право жертвовать собой за отечество и славу сброду туникатов¹. Олигархи возложили на чернь миссию завоевания царств и покорения народов, за собою же, если только не предпочитали хищнически управлять вверенными им провинциями, оставляли труд проматывать в роскошной праздности родовые имения.

По другую сторону Валерии Мессалы сидел Марк Деций Цедиций, патриций лет пятидесяти, с круглым, открытым лицом, веселый, красивый, невысокого роста, коренастый, толстый, для которого высшее счастье заключалось в возможно более продолжительном пребывании за столом в триклинии. Марк Деций Цедиций тратил половину своего дня на смакование изысканных блюд, которые ему приготавливал его повар, один из известнейших специалистов, составлявших гордость Рима. Другую половину дня он посвящал мысленному наслаждению теми приятными ощущениями, которые он будет испытывать вечером в триклинии. Одним словом, Марк Деций Цедиций, переваривая обед, мечтал о часе ужина.

Сюда же позже пришел Квинт Гортензий, наполнявший весь мир славой своего красноречия. Квинту Гортензию еще не исполнилось тридцати шести лет. Он долго изучал манеру двигаться и говорить, научился управлять каждым своим жестом, каждым словом, так что в Сенате, в триклинии или в ином месте каждое его движение обнаруживало паразитическое благородство и величие, казавшиеся врожденными

---

¹ То есть черни. Туникатами называли бедняков, которые ходили в одной тунике, так как не имели средств купить тогу.

ми. В одежде он признавал лишь темные цвета, но складки его латиклавы были расположены с утонченным изяществом и искусством, что еще более оттеняло красоту и величавость его осанки. Ко времени нашего рассказа он уже прошел службу в легионах, сражавшихся против итальянских союзников в Марсийской, или в гражданской, войне, и за два года сделался сперва центурионом¹, а затем трибуном.

Ученый и красноречивый оратор, Гортензий был весьма искусный артист и половиной своих триумфов был обязан мелодичному голосу и всем приемам декламационного искусства, настолько хорошо усвоенным им, что даже Эзоп, известный трагический актер, и знаменитый Росций спешили на Форум², когда Гортензий произносил речи, для того чтобы учиться у него декламации.

В то время как Гортензий, Валерия, Эльвий и Цедиций беседовали, а один отпущенник по желанию Валерии пошел за табличками, на которых были начертаны имена сражающихся гладиаторов, процессия жрецов, неся изображения богов, обошла вокруг хребта, на верх которого эти изображения обычно ставились.

Недалеко от места, где сидела Валерия и ее собеседники, находились под присмотром воспитателя два мальчика, принадлежавшие к классу патрициев и одетые в претексты — белые тоги с пурпурными полосами. Эти два мальчика, один — четырнадцать лет, другой — двенадцати, с широкими костистыми лицами, с резкими и определенными чертами, являли собой чистый тип римской расы. Это были Цепион и Катон, из рода Порциев, внуки Катона Цензора, который жил и прославился во время Второй Пунической войны и во что бы то ни стало добивался уничтожения Карфагена.

---

¹ *Центурион* — командир центурии, отряд из ста всадников или пехотинцев.

² *Римский форум* — площадь в центре Древнего Рима. Первоначально на Форуме размещался рынок, позже там стали проходить политические собрания.

Цепион, младший из братьев, казался более разговорчивым и приветливым, и, в то время как он часто обращался к Сарпедону (так звали их воспитателя), юный Марк Порций Катон стоял молчаливый и надутый, с сердитым, брюзгливым видом, который вовсе не подходил к его возрасту. Уже теперь была видна стойкость и твердость его характера и упорная непреклонность убеждений. О нем рассказывали, что, когда ему было восемь лет, один из предводителей в войне итальянских городов против Рима за права гражданства, Марк Помпедий Силон, схватил его в доме дяди его Друза и, поставив на подоконник, строгим и страшным голосом грозил выбросить на мостовую, если он не попросит деда об оказании поддержки итальянским городам; но, как Помпедий его ни тряс и ни угрожал, он не мог добиться от мальчика ни слова, ни поступка, который обнаруживал бы страх и уступчивость. Врожденная закаленность души, изучение греческой, в частности стоической, философии и, наконец, упорное подражание традициям, связанным с именем его сурового деда, сделали из этого четырнадцатилетнего мальчика настоящего гражданина. Впоследствии он лишил себя жизни в Утике и взял с собою в могилу последний клочок знамени латинской свободы, завернувшись в него, как в саван.

Как раз над Триумфальными воротами, на скамье близ одного из выходов, сидел, также с воспитателем, еще один мальчик патрицианского рода; он был поглощен беседой с юношей, которому было немногим более семнадцати лет. Хотя последний был одет в столь желанную тогу — признак совершеннолетия, на лице его едва-едва пробивался первый пушок. Он был невысокого роста, болезненный и слабый. На бледном лице его, обрамленном блестящими черными волосами, сверкали большие черные глаза, в которых вспыхивали искры великого ума.

Этот юноша был Тит Лукреций Кар, из знатной римской семьи, обессмертивший впоследствии свое имя поэмой «О природе вещей». Его собеседник, двенадцатилетний

мальчик Гай Лонгин Кассий, тоже патрицианского рода, сын бывшего консула Кассия, смелый и крепкий, занял впоследствии одно из самых видных мест в истории событий, происходивших до и после падения Римской республики.

Лукреций и Кассий оживленно беседовали друг с другом; будущий великий поэт, посещая уже два-три года дом Кассия, проникся восхищением к живому уму и благородной душе юного Лонгина и сильно привязался к мальчику. Кассий не меньше любил Лукреция, с которым его связывало почти полное тождество чувств и стремлений, одинаковое презрение к жизни и одинаковые взгляды на людей и богов.

Недалеко от Лукреция и Кассия сидел Фауст, сын Суллы, хилый, худой, с бледным, очень помятым лицом, носившим следы недавних ушибов; рыжеволосый, с голубыми глазами, с тщеславным и хитрым видом, — казалось, он гордился тем, что он отмечен перстом судьбы как счастливый сын счастливого диктатора.

В это время ученики-гладиаторы — тироны — фехтовали на арене, сражаясь с похвальным пылом, но без вреда для себя, ненастоящими палицами и деревянными мечами, в ожидании прибытия консулов и их главы, устроившего для римлян сегодняшнее развлечение.

Пока шло это бескровное сражение, которое никому из зрителей, за исключением старых легионеров и отпущенных на волю гладиаторов — рудиариев, участвовавших в сотнях состязаний, не доставляло никакого удовольствия, по всему амфитеатру раздались шумные и довольно дружные рукоплескания.

— Да здравствует Помпей!.. Да здравствует Гней Помпей!.. Да здравствует Помпей Великий!.. — восклицали тысячи голосов.

Войдя в цирк, Помпей занял место на площадке оппиду-ма, близ весталок, сидевших уже на своих местах в ожидании кровавого зрелища, приятного этим девственницам, посвятившим себя культу непорочной богини. Он приветствовал

народ изящным поклоном и, поднося руки к губам, посылал поцелуи в знак благодарности.

Гнею Помпею было около двадцати восьми лет; он был высокого роста, крепкого, геркулесовского телосложения; необыкновенно густые волосы его почти срослись с бровями, из-под которых глядели большие миндалевидные черные глаза, малоподвижные и невыразительные. Суровые и резкие черты лица и могучие формы его тела производили впечатление мужественной, воинственной красоты.

Конечно, тот, кто внимательно всмотрелся бы в неподвижное лицо Помпея, вряд ли открыл бы в нем признаки возвышенных мыслей и подвигов человека, который в течение двадцати лет был первым лицом в Римском государстве. Однако уже в двадцать пять лет этот юноша заслужил триумф за войну в Африке и одновременно получил от самого Суллы, вероятно в минуту необъяснимо хорошего настроения, прозвище Великого.

Во всяком случае, каковы бы ни были мнения о заслугах, делах и судьбе Помпея, несомненно, что в момент, когда он 10 ноября 675 года вошел в Большой цирк, симпатии римского народа были всецело на его стороне; двадцати пяти лет от роду он успел получить триумф и завоевать любовь всех легионов, состоявших из ветеранов, закаленных в трудах и опасностях тридцати сражений и провозгласивших его императором.

Быть может, это расположение народа к Помпею отчасти объяснялось ненавистью к Сулле. Не имея возможности выразить эту ненависть иным способом, народ проявлял ее в рукоплесканиях и похвалах Помпею, хотя он и был другом диктатора, как единственному человеку, способному совершать подвиги, равные подвигам Суллы.

Вскоре после прибытия Помпея появились консулы — Публий Сервилий Ватия Исаврик и Аппий Клавдий Пульхр, которые должны были оставить свои посты первого января следующего года. Впереди Сервилия, несшего службу в теку-

щем месяце, шли ликторы¹. Позади Клавдия, исполнявшего обязанности консула в прошлом месяце, также шли ликторы, неся фасции².

Когда консулы появились на площадке оппидума, все зрители поднялись как один в знак уважения к высшей власти республики.

Сервий и Клавдий заняли свои места, и зрители сели в тот момент, когда вместе с консулами уселись консулы-кандидаты, то есть те, которые в сентябрьских комициях³ текущего года были избраны в консулы на следующий год: Марк Эмилий Лепид и Квинт Лутаций Катул.

Помпей приветствовал Сервия и Клавдия. Они ответили ему любезно и почти подобострастно. Затем Помпей поднялся со своего места и пошел позвать руку Марку Лепиду, обязанному своим избранием той энергии, с которой Гней Помпей использовал свою широкую популярность в его пользу, наперекор желаниям Суллы. Лепид с выражением почтения и любви встретил молодого императора и вступил с ним в беседу. Второго же будущего консула, Лутация Катула, Помпей приветствовал холодно и надменно.

Сулла, несмотря на то что он уже отказался от звания диктатора, при избрании этих консулов все свое влияние употребил против кандидатуры Лепида, которого он не без основания считал своим противником и сторонником Гая Мария. Именно эта оппозиция со стороны Суллы и поддержка Помпея сделали то, что в комициях кандидатура Лепида не только восторжествовала, но даже привлекла больше голосов, чем кандидатура Лутация Катула, поддерживаемая партией Суллы (олигархией). За это Сулла даже упрекнул Помпея, сказав ему, что он скверно поступил, поддерживая избрание в консулы худшего из граждан и противодействуя избранию лучшего.

¹ *Ликтор* — должностное лицо, исполнявшее приговоры магистратов.

² *Фасция* — символический знак власти, пучок прутьев, перевязанный ремнями, с воткнутыми в них топориками.

³ *Комиции* — римские народные собрания.

Джованьоли Р.

Д 42 Спартак : Историческая повесть из VII века Римской эры / Рафаэлло Джованьоли ; пер. с ит. Л. Френкеля. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 704 с. : ил. + вкл. (28 с.). — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-24385-9

Рафаэлло Джованьоли (1838–1915) — известный итальянский писатель и революционер, сподвижник Джузеппе Гарибальди, поклонник и прилежный ученик Вальтера Скотта и Александра Дюма, блестящий знаток истории Древнего Рима. В его самом популярном романе «Спартак» рассказывается о легендарном восстании рабов под руководством бесстрашного борца, отдавшего все силы и страсть души борьбе за свободу. Это роман о прекрасной и драматичной любви, о дружбе и предательстве, о радости борьбы и горечи поражения. Обилие деталей, блестяще построенная композиция романа позволяют погрузиться в давно исчезнувший мир, в котором, несмотря на суровые нравы, всегда находилось место самым благородным и возвышенным стремлениям человеческого сердца.

В книге представлен полный текст романа, опубликованный издательством «Academia» в 1936 году, с редкими иллюстрациями замечательного советского художника-графика Григория Филипповского.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

РАФАЭЛЛО ДЖОВАНЬОЛИ

СПАРТАК
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
ИЗ VII ВЕКА РИМСКОЙ ЭРЫ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова и Валерия Макарова
Корректоры Иван Игнатьев, Александр Киселев

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 21.03.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 44,84 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-33362-01-R